

преподаванія—требованіемъ полноты и основательности. Какое сравненіе между «очеркомъ» и «исторію русской Церкви», когда-то бывшо въ употребленіи въ нашихъ школахъ, и быть можетъ, не вышедшо изъ употребленія донынѣ. По нашему мнѣнію, сочиненіе отца К. П. Добронравина совмѣщаетъ въ себѣ всѣ нужные качества учебника для средняго учебнаго заведенія, и при новомъ изданіи можетъ быть еще больше приспособлено къ потребностямъ школы. Для того, чтобы сдѣлать «Очеркъ» болѣе пригоднымъ для классическаго употребленія, не лише было бы, напримѣръ, приложить къ нему алфавитный указатель лицъ и предметовъ; такой указатель при повтореніяхъ уроковъ могъ бы доставить большія услуги преподавателямъ и ученикамъ. Такие указатели даже не излишни и во всѣхъ ученыхъ трудахъ<sup>1</sup>, особенно историческихъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться при разсмотриваніи иностранныхъ сочиненій по этому отдѣлу. Польза ихъ даже и для обыкновен-наго читателя очевидна; прочитавъ книгу, наполненную множествомъ историческихъ подробностей, вы, напримѣръ не можете удержать всего въ памяти; а между тѣмъ надобно вами навести справку въ книгѣ о такомъ-то, положимъ, не весьма извѣстномъ лицѣ или предметѣ: что же? — вы роетесь, роетесь, припомните, — опять ищете, — и иногда оканчиваете тѣмъ, что ничего не находите. Указатель и легко и скоро помогъ бы бѣдѣ: онъ дѣлаетъ то, что вы все содержаніе сочиненія окидываете какбы однимъ взглядомъ, и сейчасъ видите, какъ и гдѣ отыскать необходимое для васъ свѣдѣніе.

**Поученія Игнатія, епископа бывшаго кавказскаго и черноморскаго**, изданіе В. Аскоченскаго. Спб., 1863 г., II и 353 стр.  
**Слово о смерти, составленное имъ же**, изданіе В. Аскоченскаго. Спб., 1863 г., 188 стр.

**Чаша Христова, сочиненіе его же**, изданіе В. Аскоченскаго. Спб., 1863 г., 16 стр.

«Поученія» преосвященнаго Игнатія заслуживаютъ вниманія какъ со стороны выбора содержанія, такъ со стороны изложенія. Тридцать поученій, произнесенныхъ проповѣдникомъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ, имѣютъ довольно-

<sup>1</sup> Мы уже и прежде разъ доказывали ихъ пользу.

но разнообразное содержаніе. Въ дни, отличенные особымъ воспоминаніемъ, проповѣдникъ приспособляется къ воспоминаемому событию (Богоявление, стр. 1; нед. вай, стр. 113, 119; великий пятокъ, стр. 123); въ другое время онъ говоритъ своей паствѣ: 1) о постѣ — его необходимости (2 нед. вел. поста, стр. 65), дѣйствіи на злыхъ духахъ (4 нед. вел. поста, стр. 87), соединеніи съ милостію (5 нед. вел. поста, стр. 99); 2) о спасеніи — его условіяхъ (12 нед. по пятн., стр. 133), опять о томъ же и еще — христіанскомъ совершенствѣ (также 12 нед. по пятн., стр. 277); 3) о покаяніи — его необходимости (нед. по Богоявленіи, стр. 5), степеняхъ (стр. 337), о томъ, что для дѣйствительного покаянія необходимо отверженіе самомнѣнія (не произнесено, стр. 311); 4) о разныхъ другихъ предметахъ христіанскаго ученія — смиреніи (нед. слѣпаго, стр. 151), борьбѣ съ самолюбіемъ и любви къ ближнему (стр. 211), удаленіи отъ тщеславія и лицемѣрия (среда 1 нед. вел. поста, стр. 47; 27 нед. по пятн., стр. 239), поклоненіи Богу духомъ и истиной (нед. Самарянини, стр. 141), взятіи креста и послѣдоваліи Господу (3 нед. вел. поста, стр. 75), будущемъ пришествія Иисуса Христа (понед. по пятн., стр. 227), значеніи человѣческаго тѣла (пятокъ 1 нед. вел. поста, стр. 75), пустынномъ житіи (при отъокъ 1 нед. вел. поста, стр. 299); 5) наконецъ объясняетъ нѣкоторыя притчи Господа — о мытарѣ и фарисѣѣ (стр. 11), блудномъ сыне (стр. 27), вдовицѣ (Лук. 18, 1—8, въ субботу 32 нед. по пятн., стр. 261), званыхъ на вечерю (28 нед. по пятн., стр. 253), жестокосердомъ богачѣ (26 нед., стр. 219). Уже изъ этого короткаго перечня видно, что проповѣдникъ, при выборѣ предметовъ для собесѣданія, болѣе руководствовался аскетическимъ направлениемъ. Это аскетическое направление еще видно изъ самого способа, которому онъ слѣдуетъ при раскрытии евангельскихъ истинъ; здѣсь у него не рѣдкость ссылки на подвижниковъ писателей — Симеона, нового богослова, св. Исаака сириновъ, проповѣдника — Игнатія ксанфонуполовъ, препод. Марка подвижника, препод. Пимена великаго, Кассіана римлянина, св. Иоанна лѣтчика, Варсонофія великаго, препод. Макарія великаго, Каллиста и Игнатія ксанфонуполовъ, препод. Максима исповѣдника, св. Ефрема сирину, Георгія задонскаго затворника, св. Петра дамаскина, блаж. Иоанна кардинальскаго, Исаии отшельника<sup>1</sup>. Есть цѣлые слова, наприм.

<sup>1</sup> Мысли и сочиненія этихъ отцевъ можно найти въ аскетическомъ сборнике «Добротолюбіе».

въ субботу 32 недѣли по пятдесятницѣ—составленныя по руководствамъ аскетическимъ.

«Слово о смерти» столь же мало походитъ на слово — въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается въ духовной литературѣ,— сколько и поученіе въ недѣлю 13 по пятдесятницѣ (стр. 173), помѣщенное въ книгѣ, сейчасъ разсмотрѣнной, на поученія, какія произносятся въ церквяхъ. Какъ это поученіе есть просто нравоучительное размышиленіе объ отверженіи Iудеями Мессіи, Господа Іисуса, съ разными историческими подробностями, — размышиленіе длинное, предлинное (оно равняется восьми поученіямъ преосвящ. Игнатія обыкновенного размѣра)<sup>1</sup>, а потому оставшееся даже непроизнесеннымъ: такъ и «слово о смерти» есть богословская диссертациѣ, написанная авторомъ съ назидательною цѣллю. Въ ней можно читать о непостижимости смерти, участіи тѣла и души по смерти, рай, адъ, разлученіи души отъ тѣла, смерти праведныхъ и грѣшныхъ, душевной смерти, вѣчной смерти, адскихъ мукахъ, мѣтарствахъ, смертномъ грѣхѣ, приготовленіи къ смерти, памятованіи смерти. Не смотря на то, что диссертациѣ составлена на основаніи аскетическихъ преданій, въ ней много такого, къ чему мы не иначе можемъ отнестися, съ богословской точки зренія, какъ отрицательно. Къ мнѣніямъ, которая авторъ напрасно послѣшилъ возвести на степень положительности, мы относимъ: 1) ученіе о тѣлесности души и духовъ; 2) о чувственности рая, 3) о нахожденіи ада во внутренности земли, и 4) о расположенніи злыхъ духовъ и мѣтарствъ—въ воздухѣ. Но, прежде нежели мы изложимъ свои замѣчанія на вышеприведенныя мнѣнія, не можемъ не признать, что еще ни одна эсхатологія, или часть богословія, разматривающая послѣднія события, касающіяся міра и человѣка, не входила въ такое подробное решеніе этихъ вопросовъ, какое сдѣлано авторомъ. Богословіе, какъ наука, не принимало на себя обязанности решать эти вопросы такъ, какъ разрѣшилъ ихъ составитель «слова о смерти», потому что, относя такие и подобные вопросы къ области человѣческой пытливости, желающей простереться даже за предѣлы человѣческой ограниченности, всегда сообщало о душѣ, рая, адѣ и злыхъ духахъ свѣдѣнія беспорынья, основанныя на св. Писаніи и согласномъ ученіи вселенской Церкви.

1) Составитель «слова о смерти» старается основать мнѣ-

<sup>1</sup> «Поученія», стр. 173—210.

ніе о тѣлесности души и духовъ на словахъ св. Макарія, египетскаго подвижника. «Угодникъ Божій научаетъ, что ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако при всей тонкости своей, суть тѣла. Они — тѣла тонкія, эѳирныя, такъ какъ напротивъ, наши земныя тѣла очень вещественны и грубы. Грубое человѣческое тѣло служить одеждой для тонкаго тѣла — души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащіе душѣ, надѣты подобные члены тѣла» (стр. 11). Тѣлесность души доказывается опытомъ какого-то пустынника, видѣвшаго свою душу изшедшую изъ тѣла, — она имѣла весь видъ тѣла, полное сходство съ нимъ (стр. 12); авторъ припоминаетъ, что и въ наше время были два подобные случая съ людьми, теперь уже умершими (стр. 13, примѣч.). «Ангелы подобны душѣ: имѣютъ члены — голову, очи, уста, перси, руки, ноги, волосы, — словомъ полное подобіе видимаго человѣка въ его тѣлѣ» (стр. 13). Ангелы добрые имѣютъ пріятливый и прекрасный видъ, но злые духи — безобразны. Хорошимъ доказательствомъ тѣлесности духовъ авторъ считаетъ повѣствованія, встрѣчающіяся въ житіяхъ нѣкоторыхъ святыхъ, о томъ, что святые или сами били злыхъ духовъ или были биты отъ нихъ: «какъ бы могло это осуществиться, если бы падшіе ангелы вполнѣ были безтѣлесны?» (стр. 17, примѣч.). Любопытно и философское соображеніе — все въ пользу того же мнѣнія; мы выпишемъ его. Упомянувъ о томъ, что западный ученый Алларъ (написавшій предисловіе къ твореніямъ препод. Кассіана) опровергаетъ мнѣніе препод. Кассіана о тѣлесности духовъ, авторъ говорить: «къ сожалѣнію, и у насъ нѣкоторые участвуютъ въ темномъ и неопределенному мнѣніи іезуита и западныхъ умствователей на счетъ безтѣлесности сотворенныхъ духовъ. Св. Писаніе и св. отцы постоянно называютъ ихъ бесплотными и невещественными; но такъ называютъ ихъ только относительно: относительно къ грубымъ тѣламъ человѣческимъ и къ грубому миру вещественному, а отнюдь не относительно къ Богу — единому Духу. Единъ Богъ вполнѣ духъ. Ангелы, какъ святые, такъ и падшіе, подчинены времени и пространству. Понятіе о подчиненіи пространству неразлучно отъ понятія о подчиненіи формѣ. Отвергнувъ понятіе о подчиненіи ангеловъ пространству, должно или вовсе отвергнуть ихъ существование или признать ихъ беспредѣльными, т. е. приписать имъ вездѣсущіе Божіе. Только двѣ неопределенные величины — ничто и бесконечное — не подчиняются никакой формѣ; всякая, напротивъ того, опре-

дѣленная величина, какъ ни велика или мала была бы она, не-  
премѣнно имѣть форму, по самой опредѣленности своей. Со-  
гласившись, что ангелы ограничены, необходимо должно при-  
нять и то, что они, по отношенію къ пространству, имѣютъ  
форму, а по отношенію къ тонкости естества имѣютъ извѣст-  
ную степень этой тонкости, т. е. неизбѣжно суть тѣла, какъ  
бы эти тѣла ни были тонки. Форма ограниченного существа  
неизбѣжно обрисовывается, такъ сказать, самыми его предѣ-  
лами, оконечностями; обрисованное, такимъ образомъ, сущес-  
тво имѣть свой видъ. Безконечное не подчинено никакой фор-  
мѣ, какъ не имѣющее ни въ какомъ направлениѣ никакого окон-  
чанія; но этой же причинѣ оно не можетъ имѣть никакогови-  
да.» (стр. 16, 17, примѣч.). Но довольно; читатель самъ мо-  
жетъ составить себѣ понятіе объ основаніяхъ мнѣнія о «тѣлес-  
ности». Мы съ своей стороны сдѣляемъ противъ этой теоріи  
самыя краткія замѣчанія, заимствую ихъ изъ св. Писанія, уче-  
нія Церкви и философскаго наведенія.

Съ одной стороны, авторъ уже самъ сознался, что св. Писаніе и св. отцы *постоянно называютъ духовъ безплотными*, а съ другой, онъ ничѣмъ не можетъ доказать, чтобы они назы-  
вали духовъ безплотными только *относительно*. На томъ осно-  
ваніи, что св. Писаніе (объ отцахъ Церкви мы скажемъ ниже)  
нигдѣ не говоритъ<sup>1</sup>, чтобы его утвержденіе о безтѣлесности  
духовъ надобно было понимать относительно, мы должны при-  
знать, что вносить въ слова св. Писанія, совершенно ясныя и  
прямые, понятіе относительности есть произволъ, ничѣмъ не-  
оправдываемый. Допустивъ такой произволъ въ толкованіи св.  
Писанія, мы могли бы уклоняться отъ какого угодно доказа-  
тельства, взятаго изъ Бібліи и направленного противъ нась,  
и подтверждать какія угодно мысли положеніями слова Божія,  
по своему протолкованными. А будетъ ли это безпристрастнымъ  
служеніемъ истинѣ? — Припомнимъ примѣры древнихъ ерети-  
ковъ: вѣдь все они старались, при помощи своеобразной си-  
стемы толкованія, опирать свои заблужденія на св. Писаніе; но  
тѣмъ не менѣе, мнѣнія ихъ, какъ несогласныя съ истиннымъ  
смысломъ слова Божія, Церковю были отвергаемы. Посмотримъ  
же, какъ св. Писаніе говорить о составныхъ частяхъ человѣка  
и о духахъ безплотныхъ. Въ человѣка оно признаетъ: 1)

<sup>1</sup> А сколько представлялось случась къ этому! И какая могла бы быть  
высокая цѣль—еще болѣе превознести и прославить Бога надъ всѣмъ съ-  
твorenнымъ!

*πνεῦμα* = *φυχὴ*; 2) *σῶμα* = *σῶρες* = *χοῦς*; самый ясный мѣста тѣ, гдѣ  
*πνεῦμα*, въ значеніи безтѣлесного и духовнаго существа, разли-  
чается отъ *σῶρες* — тѣла и вообще вещественного состава человѣка (Мате. 26, 41. Римл. 8, 10. Гал. 5, 17. 1 Кор. 5, 3. 5.  
7, 34. 2 Кор. 7, 1. Іак. 1, 26 и др.); во въ другихъ, очевидно  
въ значеніи *πνεῦμα*, употребляется *φυχὴ* (Мате. 10, 28. 16, 26. 3  
Цар. 19, 4. Іов. 27, 8. Дѣян. 2, 27. Лук. 9, 56. 21, 19. Римл.  
2, 29 и нѣкот. др.); что *φυχὴ*, по понятію св. писателей, тоже,  
что и *πνεῦμα*, видно изъ того, что они приписывали ей самосоз-  
нательную личность (Псал. 118, 175. Дѣян. 2, 41. 3, 23). По  
понятію о господствующей въ человѣка части — духъ, св. Писаніе  
иногда просто называетъ человѣка *πνεῦμα*. (съ предположе-  
ніемъ, конечно, *σῶματος*: Прим. 16, 14. Лук. 24, 26. Дѣян. 7,  
59. 1 Кор. 2, 11), и чрезвычайно рѣдко словомъ *σῶμα* = *σῶρες*  
(Ефес. 5, 28. 29). Если въ двухъ мѣстахъ св. Писаніе разли-  
чаетъ въ человѣка *πνεῦμа*, *φυχὴ* и *σῶμа* (1 Сол. 5, 23), и *φυχὴ* и  
*κνέευμα* (Евр. 4, 12): то такъ какъ и *φυχὴ* (1 Цар. 19, 5. Лук. 12,  
19. Дѣян. 2, 43. 15; 26. Мате. 2, 20. 28. Іоан. 10, 15.  
Римл. 11, 3 и др.), и *πνεῦμа* (Мате. 27, 50. Лук. 8, 55. 23, 46.,  
и проч.) употребляются одинаково въ значеніи начала, оживля-  
ющаго тѣло человѣка, нельзя думать, чтобы въ упомянутыхъ  
мѣстахъ вводилась мысль о тречастности состава человѣка (хо-  
тя некоторые и держались этой мысли). Какое же заключеніе  
мы выведемъ изъ этого филологически-экзегетического сообра-  
женія? — такое, что св. Писаніе, приписывая одной части человѣка  
— личность, сознаніе, жизнь, и называя эту часть *πνεῦμа*,  
исно даетъ понять духовность этой части не въ смыслѣ тонкой  
вещественности, а въ прямомъ и дѣйствительномъ. Такъ объ-  
ясняетъ слово — *πνεῦμа* самъ Господь при явленіи Своемъ учени-  
камъ, о которомъ разсказывается въ 24 гл. Евангелия отъ Луки;  
сказавъ: *духъ плоти и кости не имать, яко же Мене видите  
имуща* (ст. 39). Онъ, съ одной стороны, показалъ, что Его про-  
славленное по воскресеніи и тонкое тѣло имѣть и плоть и  
кости, т. е. вещественность, съ другой — понятіе *πνεῦμа* — духъ  
освободилъ и отъ этой тонкой вещественности. Такъ какъ это  
слово *πνεῦμа* употребляется въ новомъ завѣтѣ и объ ангелахъ  
(Евр. 1, 14. Дѣян. 23, 8), и только одно это слово, а не при-  
писывается имъ ни *σῶμа*, ни *σῶρες*; то и слѣдуетъ, что они, какъ  
*πνεῦμата*, не только духовны, невещественны, лично сознательны,  
но и отличаются отъ человѣка тѣмъ, что не соединены съ тѣ-  
ломъ, отъ Бога — тѣмъ, что ограничены по волѣ и уму (Мате.

24, 36. 1 Петр. 1, 12. Марк. 13, 32.). Такъ по мысли св. Писания, 1) человѣкъ имѣеть тѣло и душу — духъ, есть существо на половину тѣлесное и на половину духовное (въ дѣйствительномъ смыслѣ); 2) ангель (а также и духъ злой) есть существо духовное (въ томъ же смыслѣ), но ограниченное.

На основаніи св. Писания, большинство св. отцевъ допускало совершенную невещественность души и духовъ; но пока мысль Церкви обѣ этомъ предметѣ не была опредѣлена точно — иные изъ древнихъ отцевъ и учителей позволяли себѣ думать иначе. Въ до-христіанское время и философія и народное повѣрье иногда допускали вещественность души; — такъ Аристотель считалъ ее видоизмѣнениемъ матеріи, болѣе тонкою формою ея, что неизбѣжно следовало изъ эмпирического взгляда этого философа; по представлению Гомера, душа, по отлученіи отъ тѣла, въ видѣ тѣни, тонкаго образа (*εἰδωλον*) предстаетъ предъ Ермія, который и отводитъ ее въ подземный міръ. Подъ вліяніемъ ли этихъ прежнихъ понятій, или, что вѣрѣ, для большаго отдѣленія отъ еретиковъ своего времени (разумѣемъ гностиковъ), немногіе писатели и отцы, — какъ-то Густинъ, Ириней, Кесарій, допускали, хотя въ неопределенныхъ выраженіяхъ, вещественность ангеловъ и души<sup>1</sup>. Но знаменитѣйшіе отцы и учителя Церкви — истинные столпы вѣры — св. Игнатій богоносецъ, Аѳанасій великий, Григорій богословъ, св. Іоаннъ златоустъ и др., были рѣшительно того мнѣнія,<sup>2</sup> что ангелы и души невещественны, — и это въ то время, когда въ пустынѣ египетской процвѣталъ преподобный Макарій, на котораго такъ много ссылается авторъ «слова о смерти». Остается вопросъ: какъ же св. Макарій великій могъ усвоить себѣ об разъ мыслей, столько несогласный съ понятіями величайшихъ отцевъ христіанства? — Онъ могъ найти убѣжденіе въ тѣлесности души и духовъ столько распространеннымъ между скит-

<sup>1</sup> Ихъ мысль привѣлъ въ «Точномъ изложеніи православной вѣры» (глав. 3) св. Іоаннъ Дамаскинъ, который вообще въ своей книжѣ старался собрать мысли прежнихъ богослововъ.

<sup>2</sup> По множеству мѣстъ мы не рѣшаемся дѣлать выписокъ изъ этихъ отцевъ. Но не можемъ удержаться, чтобы не выписать изъ «слова о смерти» слѣдующихъ строкъ: «вникнувъ въ писанія отцевъ, найдемъ, что словомъ духъ, по современному имъ понятію, *весьма недавно* утратившемуся, всегда именовались газы и пары, наиболѣе воздухъ, вѣтеръ и человѣческое дыханіе». (стр. 14, примѣч.). Хорошо бы сдѣлать авторъ, если бы пояснилъ, съ какого это времени «весьма недавно».

скою братію, что и самъ усвоилъ его, тѣмъ болѣе, что не видѣлъ въ этомъ особенного грѣха, такъ какъ Церковь еще не высказалась обѣ этомъ предметѣ. И послѣ него являлись люди, державшіеся мнѣнія о «вещественности» (напримѣръ преподобный Кассіанъ). Наконецъ Церковь, находя это мнѣніе не основательнымъ, на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, второмъ никейскомъ, въ четвертомъ засѣданіи, провозгласила невещественность ангеловъ и души<sup>1</sup>. Это вселенское опредѣленіе надобно признать, безъ сомнѣнія, совершенно обязательнымъ и для насъ.

Противъ философического доказательства, выставленного авторомъ въ пользу мнѣнія о «тѣлесности», можно представить не менѣе философскія соображенія не въ пользу этого мнѣнія. Авторъ «слова о смерти» рѣшается усвоить душу пока только видъ человѣка со всѣми членами его; но, чтобы быть послѣдовательнымъ и яснымъ, не надобно уже отказываться и отъ другихъ послѣдствій выставленного имъ положенія. — Всякое вещество непремѣнно дѣйствуетъ на всѣ или иѣкоторыя наши чувства — зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осознаніе; всякое вещество, какъ состоящее изъ частичнаго сложенія, вѣсомо; всякое вещество занимаетъ въ пространствѣ мѣсто, подлежащее нашимъ чувствамъ. Все, что мы говоримъ, приложимо къ самому тонкому веществу точно такъ же, какъ и къ болѣе грубому; напримѣръ воздухъ — вещество тонкое, проникающее очень многія другія тѣла, но онъ падаетъ подъ чувство зреенія (видимъ разнообразные цвѣта въ воздухѣ), дѣйствуетъ на обоняніе (различаемъ между свѣжимъ и несвѣжимъ воздухомъ) и на осознаніе (маннувшъ рукою, чувствуемъ вѣтеръ), имѣть и вѣсть (его вѣсять въ физическомъ аппаратѣ). Возьмемъ газъ, болѣе тонкій, чѣмъ воздухъ, а потому и поднимающій шаръ (аэростатъ), въ которомъ заключенъ, въ верхніе слои атмосферы, — и этотъ газъ имѣть вѣсь, запахъ, упругость. И такъ дальше; какъ бы вы ни утончали вещество, — все же оно будетъ вещество и будетъ всегда имѣть свойства вещества; всегда A=A. Но о душѣ и ангелахъ видѣ нельзѧ же утверждать, чтобы они подлежали нашимъ чувствамъ, были вѣсомы, упруги и проч... Съ другой стороны, представление, что душа, имѣя члены, подобные тѣлеснымъ, совмѣщающіе ихъ съ частями тѣла, можетъ привести вотъ къ какому вопросу: когда отсѣкаютъ у тѣла руку или ногу, что дѣлается съ соотвѣтствующими членами души? уже не лишается

<sup>1</sup> См. у Ляббя дѣянія Собора.

ли и душа свой руки или ноги? оттого не разстраивается ли гармония ея силъ и отправленій? — Опытъ свидѣтельствуетъ, что гармонія душевныхъ отправленій вимало не нарушается, когда тѣло лишается нѣкоторыхъ несущественныхъ частей; изъ чего видно, что душа есть нѣчто отличное отъ тѣла. — Но сдѣлаемъ еще одно соображеніе — противъ разсужденія автора о пространствѣ. Мы признаемся, что не знаемъ, занимаютъ ли ангелы и души какое мѣсто въ пространствѣ (пространство вѣдь имѣтъ свой смыслъ тогда, когда говорится о веществѣ); не знаемъ этого такъ же, какъ и многихъ другихъ тайнъ міра, неподходящаго подъ условія земного бытія; но вотъ что мы знаемъ: если вы даете хотя малѣйшую вещественность душамъ и духамъ, то должны отказать имъ въ вѣчномъ продолженіи ихъ бытія. По причинѣ частичности вещества постоянно измѣняетъ форму существованія, слагается и разлагается; это измѣненіе формы бытія для вещественной души или такого же духа было бы равнозначительно уничтоженію. Оттого-то мысль наша и не можетъ никакъ представить, чтобы вещество было вѣчно; только простое, несложное существо, духовное (въ полномъ смыслѣ), оставаясь постоянно тождественнымъ, неизмѣняющимся въ составѣ, можетъ продолжать существование вѣчно. Призванное разъ въ бытіе волею Творца Бога, оно только этою же волею и можетъ быть обращено въ ничтожество. — Единичность и личность нашего сознанія служатъ новымъ очень важнымъ доказательствомъ противъ мнѣній о «тѣлесности»: какъ бы душа наша сознавала себѣ однимъ лицемъ, если бы была составлена изъ многихъ частицъ? Наконецъ — и здѣсь главная трудность — какъ изъяснять авторъ «слова о смерти» изъ вещественности души всѣя свободныя и разумныя обнаруженія — дѣйствія мысли, чувства, желанія? Вотъ тутъ-то теорія «тѣлесности» примыкаетъ къ новѣйшему материалистическому взгляду, и такъ сказать подаетъ ему руку.

2) Послѣ того, какъ составитель «слова о смерти» допустилъ вещественность души и духовъ, не удивительно, что онъ призналъ и чувственность раіа: вѣдь вещественная душа, разлучась съ тѣлами, требуютъ себѣ вещественнаго мѣстопребыванія. Сказавъ, что въ книгѣ Бытія рай представляется въ видѣ прекраснѣйшаго сада, сочинитель замѣчаетъ: «таковъ онъ и на самомъ дѣлѣ; но вещество и природа тонки, соответствующіе естеству его жителей духовъ, и потому недоступны для

нашихъ чувствъ, огрубѣвшихъ и отупѣвшихъ отъ паденія» (стр. 22). Это предположеніе доказывается извлеченіями изъ житій святыхъ (марта 26, 24. окт. 2. и рукоп. препод. Евфросиніи судѣ). Изъ видѣнія св. Андрея (окт. 2.) авторъ заключаетъ, что «рай есть ближайшая къ землѣ небесная обитель, или первое небо, превыше котораго находятся другія небеса... въ этихъ горныхъ обителяхъ пребываютъ вынѣ души праведниковъ, сообразно достоинству своему» (стр. 34.). Такъ какъ Церковь не высказала своей мысли, что такое рай и гдѣ онъ находится: то всѣ подобные выводы и догадки остаются на волю желающаго принять ихъ<sup>1</sup>.

3) Къ такому же роду вопросовъ относится и мѣстонахожденіе ада. Еще св. Иоаннъ Златоустъ говорилъ своимъ слушателямъ: «станемъ искать не того, гдѣ онъ находится, но средство изѣбѣть его». (Бес. 31. на посл. къ римл.). Но авторъ ищетъ и находить его во внутренности земли. «Адъ помѣщается», говоритъ онъ, «во внутренности земли» (стр. 36), и доказываетъ это ссылками на многія мѣста обоихъ завѣтovъ, — мѣста, надобно признаться, весьма спорныя<sup>2</sup>. «Итакъ», заключаетъ сочинитель, «ученіе, что адъ находится внутри земли, есть ученіе православной Церкви» (стр. 40). Но гдѣ же — въ какой символической книгѣ, въ какомъ катихисѣ — высказано это ученіе?

4) Сочинитель указалъ намъ и мѣстопребываніе падшихъ духовъ. «Слово Божіе и содѣйствующій слову духъ открываютъ намъ, при посредствѣ избранныхъ сосудовъ своихъ, что пространство между небомъ и землею, вси видимыя нами лазуревая бездна, воздухъ, поднебесная, служитъ жилищемъ для падшихъ ангеловъ, низвергнутыхъ съ неба» (стр. 104). «Падшіе ангелы разсѣяны во множествѣ по всей прозрачной безднѣ, которую мы видимъ надъ собою» (стр. также). Но помѣщеніе злыхъ духовъ въ воздушное пространство служитъ для автора только переходомъ къ описанію «мытарствъ» (стр. 110—143), на основаніи извѣстнаго разсказа Феодоры, помѣщенаго въ житіи препод. Василія новаго (26 марта). И о мытарствахъ, и о жи-

<sup>1</sup> Намъ припоминается при этомъ нѣкто, увѣрлившій, что всѣ болѣе благородныя земли, какъ-то музыка, пѣніе и проч., передуть съ нами на тотъ светъ. — Къ такимъ и подобнымъ предположеніямъ дверь отворена, если не хотятъ остановиться тамъ, гдѣ прилично.

<sup>2</sup> Напримеръ, что за доказательство: земля еси, и въ землю отыдеси (Быт. 3, 19)! Читатель догадывается, какой смыслъ даетъ сочинитель послѣднимъ словамъ.

лишь злыхъ духовъ, напа Церковь не произнесла своего суждения, а потому и мы не знаемъ, что сказать объ этомъ. Впрочемъ думаемъ, что въ строго богословскомъ сочиненіи едва ли не лучше обходить такие и подобные вопросы простаго любопытства, не имѣющіе нравственнаго значенія и говорящіе только воображенію.

Вотъ что хотѣли мы замѣтить по поводу «слова о смерти». Мы охотно многое прошли бы молчаніемъ, если бы самая особенность взглядовъ автора не налагала на насъ обязанности—выставить эти взгляды на видъ. Мы даже не придаемъ своимъ замѣчаніямъ другаго какаго значенія, кромѣ значенія совершенно частнаго маѣнія, отличающагося по указаннымъ пунктамъ отъ мнѣнія самого автора.

Третье сочиненіе преосвящ. Игнатія «Чаша Христова» есть размышеніе о скорбяхъ и страданіяхъ, неизбѣжныхъ на землѣ для истиннаго послѣдователя Господа. Видно, что многое, написанное въ этой книжкѣ, глубоко прочувствовано и до-знано на опытѣ; оттого она читается съ особеннымъ назиданиемъ.

Священикъ Павелъ Матвеевскій.

~~~~~

Рѣчь епархиальнаго члена Евсевія архіепископа экзарха Грузіи, при встрѣчѣ Его Императорскаго Высочества благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, въ Сионскомъ соборѣ, 28 августа 1863 г.

---

Благовѣрный Государь,  
Наслѣдникъ всероссійскаго престола!

Еще свѣжа у насъ радость о прибытіи къ намъ Царскаго брата съ благословленнымъ семействомъ.

Радость сія въ недавнее время еще болѣе оживилась и обновилась дарованіемъ Богоизбранной четѣ сына—перваго изъ царскаго русскаго дома рожденаго на землѣ иверской.

Въ одинъ изъ предшествовавшихъ воскресныхъ дней, когда мы въ семъ самомъ храмѣ собирались для совершенія божественной литургіи, и затѣмъ для воспоминательного благодаренія Бога о рождениіи сына у другаго брата царскаго—лишь только возглашено было: *Благословенно царство...* какъ пущечные выстрелы съ Метеха—родили мысль о новорожденномъ членѣ августѣшаго семейства. А по окончаніи богослуженія съ радостю и опредѣленно узнали мы и о драгоцѣнномъ для Россіи, а особенно для Грузіи, имени Георгія.

Эта радость царственная—семейная, но вмѣстѣ съ государственной—принесла намъ радость другую—видѣть Тебя, благовѣрный Государь Наслѣдникъ всероссійскаго престола—Тебя, первенца Царева, грядущаго посѣтить нашъ край и воспріять высоконоворожденнаго отъ купѣли святаго крещенія.

Благотворно и радостно, и для Тебя и для насъ, сіе Твое пришествіе!

Въ самомъ дѣлѣ, если для кого полезно и благотворно изученіе странъ и народовъ, входящихъ въ составъ Россіи, то